

А.И. Куляпин

Алтайский государственный университет

Виденье красного Кремля

Нарымская поэма Н. Клюева «Кремль»: интерпретации и контекст: Сб. статей / Ред.-сост. В.А. Доманский. Томск: Томский государственный университет, 2008. 224 с.

Аннотация: Рецензия сборника научных трудов, посвященных поэме Н. Клюева «Кремль».

Review of the collection of scientific works on the poem “Kremlin” by N. Klyuev.

Ключевые слова: Н. Клюев, поэма «Кремль».

N. Klyuev, the poem “Kremlin”.

ББК: 83.3 (2 Рос)1.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66, АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366334. E-mail: decanat@filo.asu.ru.

Поэма Н. Клюева «Кремль» уже издавалась в составе книги «Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре» (М.: Территория, 2006) и вызвала несколько критических отзывов. Новая публикация (с исправлением допущенных ошибок и с расширенным комментарием), безусловно, станет важным шагом к более глубокому и объективному пониманию этого неординарного произведения.

В сборник вошли статьи российских ученых из Томска, Санкт-Петербурга, Москвы, Барнаула и Петрозаводска, а также исследования зарубежных филологов из Франции и США.

Открывает книгу предисловие Т.А. Кравченко «Поэма Н. Клюева “Кремль” в моем семейном архиве», где рассказывается об уникальном собрании документов Анатолия Яр-Кравченко и Бориса Кравченко. Первым существенным контекстом поэмы «Кремль», конечно, надо признать сибирские письма Клюева. В материале Т.А. Кравченко цитируются фрагменты тех из них, которые имеют прямое отношение к поэме.

Непосредственно после текста «Кремля» в сборнике следуют примечания к поэме, написанные ведущим сотрудником Пушкинского Дома А.И. Михайловым. С безупречной филологической культурой им прокомментированы исторические реалии, литературные аллюзии и реминисценции, ключевые образы поэмы.

Большую часть объема книги занимают исследования, обращенные к разным аспектам клюевского произведения: идеологическому, риторическому, интертекстуальному, стиховедческому и др. Есть в сборнике, что вполне естественно, работы более удачные и менее удачные, но практически в каждой статье можно найти интересные наблюдения и мысли.

Главный вопрос, мимо которого не сможет пройти ни один читатель «Кремля», можно, пожалуй, сформулировать так: насколько непритворным было отречение, покаяние и преобразование Клюева? Точкой отсчета в оценке поэмы давно стало высказывание Р. Иванова-Разумника. Для него автор «Кремля» – человек

«сломленный нарымской ссылкой и томской тюрьмой», «павший духом», стремящийся «вписаться в стан приспособившихся». Эти слова приводятся в статьях А.И. Михайлова, Т.А. Кравченко, Л.А. Аннинского, В.А. Доманского, Е.И. Марковой, Майкла Мейкина. Характерно, что с Р. Ивановым-Разумником спорят абсолютно все, но спорят с разных позиций.

М. Мейкин, пытаясь выработать инструментарий для анализа произведений подобных «Сталинской оде» О. Мандельштама или, скажем, «Горийской симфонии» Н. Заболоцкого, вспоминает рекомендацию М. Гаспарова «читать», а не «вычитывать» эти стихи. К сожалению, рекомендации известного стиховеда придерживаются не всегда. Наибольшей степенью субъективности, произвольности и тенденциозности отличаются построения Л.А. Аннинского. Его интерпретация базируется даже не на «вычитывании», а на «очитках». Критик сначала цитирует поэму:

Кремль озаренный, вновь и снова
К тебе летит беркутом слово
Когтить седое воронье!
И сердце вешее мое
Отныне связано с тобою, –

чтобы тут же пересказать фрагмент по-своему: «Запоминаем седое воронье, когтящее сердце» (с. 67). Это не единичный пример. Сущность клюевских строк:

И только образом Кремля
Смываю совести проказы
И ведаю, что осень вязу
Узорит золотом не саван,
А плащ, где подвиги и слава, –

передана так: «Подвиги, слава... блоковский отсвет. Неподдельно клюевское – саван. Узорный, посверкивающий золотом – но саван» (с. 79). Л.А. Аннинский подменил всего-то одну букву, вместо «не саван», как было у Клюева, у него появляется «но саван». При этом смысл, конечно, трансформируется радикально. В «Кремле» есть выражение «электрическая судьба». Л.А. Аннинского больше бы устроило другое: «электрический... так и хочется добавить: стул...» (с. 73). Такой методологический принцип критика – добавляй все, что хочется, не считаясь с тем, что есть в поэме.

Гораздо основательнее выводы тех исследователей, которые работают с реальным, а не выдуманным текстом. Совсем не нужно пускаться на сомнительные подтасовки, чтобы доказать многослойность поэмы Клюева. Корректно и убедительно неоднозначность позиции поэта демонстрируют В.А. Доманский, М. Никё, М. Мейкин и некоторые другие авторы сборника.

Мишель Никё анализирует «Кремль», вписывая его в череду многочисленных панегириков Сталину. Примерно тот же путь выбирает и Майкл Мейкин. Правильно выбранный контекст – половина успеха. «Чтобы определить подлинное художественное значение поэмы Клюева, – убежден французский исследователь, – нужно рассматривать ее не только саму по себе, но и в ряду “од вождю” 1930-х гг. Это позволит выявить ее особенности и место в этом ряду» (с. 131).

Не вызывает сомнений перспективность поиска классических истоков «Кремля». Диапазон возможных поисков весьма широк: от античности до серебряного века. Среди многих удачных находок выделим только одну. В.А. Доманский выявляет два плана политического дискурса поэмы: явный и скрытый. Явный план он совершенно обоснованно возводит к одической традиции, а скрытый – к Пушкину. У вождей новой, советской России, – отмечает

В.А. Доманский, – «общий “родитель” – пушкинский Медный всадник. Не случайно характеристика Сталина дается Клюевым в контексте пушкинской поэмы, а его главный кремлевский вождь продолжает “императорское дело” своего предшественника. Но в очередной раз “неколебимой рукой” поднимая “Россию на дыбы”, он также равнодушен, как и пушкинский герой, к судьбе простого человека» (с. 105).

Какие бы заманчивые горизонты ни открывал классический интертекст, очевидно, что только рассмотрение «Кремля» в сопоставлении с другими произведениями Клюева может показать степень искренности поэта. Активнее других «клюевский фон» задействован в статье М. Мейкина «Парадоксы “Кремля”». Американский исследователь напоминает, в частности, что и в своем раннем творчестве Клюев создавал тексты отражающие интересы вначале императорской, а позже большевистской, власти и политики. «Поэтому если Клюев в конце 1910-х гг. был поэтом парадоксальным, сложных, противоречивых позиций, зачем сомневаться в искренности авторских образов в контрастных по своей сути “Разрухе” и “Кремле”?» (с. 170). По мнению М. Мейкина, другие «провинившиеся» поэты сталинской эпохи «писали свои просьбы о помиловании явно чужим, заданным голосом», но «ссылный Клюев отрекался от собственных ценностей *своим собственным голосом*. Текст, объявляющий сплошную смену культурных и тематических ориентиров, продиктованную страшными внешними обстоятельствами фактической неволи, все-таки изобилует поэтическими приемами, уникально характерными для самого Клюева» (с. 179. Курсив автора. – А.К.).

С концепцией Майкла Мейкина согласны далеко не все. В книге представлены и совсем другие точки зрения. Редактор-составитель сборника В.А. Доманский не пытался сгладить противоречия между разными интерпретациями поэмы Клюева, и, может быть, это – главное достоинство рецензируемого издания.